
ЛОКАТИВНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Л.Н. Федосеева

Кафедра латинского и русского языков
Рязанский государственный медицинский университет
им. акад. И.П. Павлова
ул. Первомайский проспект, 1/117, Рязань, Россия, 390000

Категория локативности рассматривается в качестве важнейшей в русской лингвокультуре. Выявляются некоторые особенности национально-ментального характера в лексике с данной семантикой, при функционировании локативов в речи. Локативность определяется как компонент концептосферы языка.

Ключевые слова: категория локативности, русская лингвокультура, лексика, речь, концептосфера языка.

Функционально-семантическая категория локативности в русском языке по своей сути отражательна. Она включает в себя средства, передающие ориентацию относительно говорящего или какого-то предмета. Наряду с отражательными категориями существуют еще интерпретационные, которые выражают национально-субъективную интерпретацию объективной действительности, например категория глагольного вида в славянских языках [1].

Между тем и отражательные категории нередко обладают особенностями национально-ментальной интерпретации. «Речь уже идет... о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира (не языка, а мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т.п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речепроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива», — читаем у С.Г. Тер-Минасовой [9. С. 29]. «Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни», — отмечает Э. Сепир [8. С. 211].

Лингвокультура отражает восприятие носителями языка внешнего мира и их иерархию ценностей. В области функционирования в русском языке единиц с локативным значением это проявляется в нескольких аспектах.

Слова-локативы указывают на своеобразное членение мира. В русском языке, кроме наречий *далеко*, *недалеко*, *близко*, есть наречия *вдали*, *вдалеке*, *невдалеке*, *вблизи*. Как отмечает Е.С. Яковлева [10], вторая группа наречий обозначает расположение чего-либо относительно говорящего в видимом ему горизонтальном пространстве, в связи с чем данные наречия указывают на абсолютную степень удаленности, часто с указанием расстояния: *Вдали* *высилась гора*; *Невдалеке* *рас-*

положились туристы; ср. неотмеченность: **Где-то здесь недалеко есть остановка общественного транспорта*; и возможное — *Остановка общественного транспорта недалеко, в нескольких метрах отсюда*. Наречие *вверх* предполагает сочетание с глаголами *посмотреть, взглянуть* и под., т.е. связано с работой зрительных рецепторов, а наречие *наверх* обычно требует рядом с собой глаголов движения типа *идти, бежать*.

Каждое слово имеет значение, то есть соотносится с реальным предметом или явлением окружающего нас мира. Но эти предметы, явления, а также представления о них неэквивалентны, т.е. неодинаковы, в разных культурах.

С.Г. Тер-Минасова в этой связи приводит интересный пример: «...если рассмотреть те речевые ситуации, в которых *дом* и *house* совпадают по семантике, а значит, должны быть эквивалентны и легко переводимы, необходимо учитывать разницу культур на уровне если не реальных предметов, то представлений и понятий о них. Иначе говоря, понятие, выражаемое словом *дом*, и то, что стоит за английским словом *house*, — это разные вещи, определяемые разными культурами.

Для того чтобы понять и, соответственно, правильно перевести английское предложение *That morning she had a headache and stayed upstairs*, нужно знать, что представляет из себя английское *house*. Буквальным эквивалентом английских слов этого предложения будут русские слова: *в то утро она имела головную боль и осталась наверху*. Правильный перевод, передающий смысл предложения, — *В то утро у нее болела голова и она не вышла к завтраку*.

Дело в том, что в традиционном английском доме наверху только спальни, а гостиная, столовая, кухня — на первом этаже. Поэтому понятия *upstairs* (вверху, поднявшись по лестнице) и *downstairs* (внизу, спустившись по лестнице) подразумевают образ жизни и устройство дома, т.е. все то, что обозначается словом *house* и что в ряде моментов существенно отличается от русского слова-понятия *дом*. И то, и другое — и *house*, и *дом* — складывалось веками под влиянием образа жизни, климата, географических условий и еще самых различных факторов» [9. С. 57].

Проведенный нами лингвистический эксперимент с использованием метода свободных дефиниций также доказывает различие представлений об одном и том же предмете у представителей различных культур. В ходе эксперимента было опрошено по 35 российских и иностранных студентов соответственно. Предлагалось дать толкование с функционально-семантических позиций слову *дача* с целью определить адекватность восприятия локатива *на даче*.

Все российские респонденты продемонстрировали одинаковое понимание данной лексемы, предложив для нее близкие дефиниции. Например: 1. *Загородное строение помимо основного городского жилья, чаще всего имеет небольшой участок земли. Используется в теплое время года в качестве места отдыха и для выращивания овощей и фруктов.* 2. *Место, где люди могут жить, отдыхать, сажать цветы или обрабатывать огород. Это второй дом для хозяина.* 3. *Собст-*

венность владельца, небольшой участок за городом, на который человек имеет право, подтвержденное документом. Данный участок владелец может использовать по своему усмотрению, чаще всего на нем выращивают какие-либо культуры. 4. Место за пределами города, которое находится в частной собственности владельца. Функции: выращивание овощей и фруктов, отдых. 5. Загородный участок с жилым помещением. Служит для занятий сельским хозяйством, отдыха. Используется для личных нужд. И тому подобное.

Иностранные респонденты (англоязычные студенты 2—3 курсов из Индии, стран Африки) дали слову *дача* различные толкования, вплоть до абсурдных: 1. Старый маленький дом в деревне, где люди живут на каникулах (11 чел.). 2. Дом, где можно отдохнуть (4 чел.). 3. Место в деревне (1 чел.). 4. Дом, который находится на пляже (1 чел.). 5. Дом в лесу (1 чел.). 6. Крыло дома (1 чел.). 7. Место, где люди живут летом, когда возможно вырастить фрукты или овощи; на даче есть красивый дом и сад рядом с ним (2 чел.). 8. Место, где родились дедушка и бабушка; мы туда ездим отдыхать (1 чел.). 9. Сад (1 чел.). 10. Место, где родились мама и папа (1 чел.). 11. В нашей стране этого нет, потому что природа везде одинаковая (1 чел.). 12. Страна (7 чел.). 13. Красивое место в Индии, где люди живут, учатся и работают (1 чел.). Два человека не смогли дать определения слову *дача*.

Представители русской лингвокультуры проявили единодушие, по всей видимости, благодаря распространенности данной реалии в России конца XX — начала XXI в. и устойчивости представлений о роли данного объекта действительности в жизни соотечественников. Инокультурные респонденты разошлись во мнениях, и, даже если дефиниции близки друг к другу (см. дефиниции 1, 2, 3), они выявляют отсутствие понятийной эквивалентности русского слова *дача* и английских *summer cottage*, *bungalow*.

Такое явление, как владение загородным участком земли с домом, во-первых, не имеет, по-видимому, широкого распространения на родине иностранцев (об этом свидетельствует отказ объяснить слово, значительное количество абсурдных толкований: см. дефиниции 12, 13), во-вторых, в случае наличия этот объект используется, как правило, исключительно для отдыха, в отличие от российской дачи новейшего времени.

Итак, эквивалентная лексика, в том числе с локативной семантикой, оказывается на поверку более проблемной для понимания представителями иной культуры, нежели безэквивалентная. По-видимому, «языковая эквивалентность — это миф, который рассыпается, если принять во внимание такие факторы, как объем семантики, лексическая сочетаемость, стилистические коннотации» [9. С. 54]. Понятийная эквивалентность является кажущейся, это лишь верхняя часть айсберга, внизу же — культурный слой, у каждого народа свой.

Речевое использование наречий-локативов также нередко имеет особенности национально-ментального характера. Например, слово *здесь* инофонами, в отличие от представителей русской лингвокультуры, употребляется обычно так, что

семантика наречия включает говорящего в локализацию: *Здравствуйте, Варун здесь* (в телефонном разговоре), ср.: *Здравствуйте, это Ольга*.

Русские, говоря о себе, избегают слова *здесь* при именительном представлении, тем самым дистанцируясь от локуса. Подтверждение этому находим у Т.М. Николаевой: «...правомерно сказать об отличии именно русского этикетного поведения в инициальной телефонной фразе, отделяющей русский этикет не только от славянского, но и шире — европейского употребления, когда говорят *здесь: Здесь Милка; Здесь Эльжбета; Здесь Кристиан Саппок* и т.д.

По этому поводу предлагается тезис о том, что русское *здесь* не предполагает включенность говорящего в локализацию, т.е. это поле «чужого», а не «своего»: *Здесь построили школу; Здесь растут грибы; Здесь хорошо* — все это имеет место помимо говорящего (*Я здесь живу; Я купил здесь книгу*, по нашему мнению, свидетельствует о локализованности, а не об активной ангажированности). Поэтому интродуктивное *Здесь Ирена* воспринимается как сообщение о третьем лице» [7. С. 324].

Слова отражают свойственные данному народу ценности, образуя концептосферу данного языка [5. С. 28—37]. Локативность участвует в формировании концептосферы пространства.

Так, одна из важнейших оппозиций в пространстве — «верх — низ». В основе данной оппозиции лежит архаичное представление о верхнем и нижнем мирах в мифологической модели (мифы о верхней и нижней сторонах вещи, поступка, явления). У славян существовал миф о борьбе Перуна, живущего вверху, на небе, на вершине Мирового дерева, с Велесом, божеством нижнего мира, «скотским богом», стада которого — души умерших. Верх одерживал победу над низом, что заканчивалось дождем, несущим плодородие.

Оппозиция «верх — низ» запечатлелась в целом ряде фразеологизмов: *наверху блаженства* (испытывать крайнее удовольствие, удовлетворение), *с верхом* (больше нормы или больше обещанного), *по верхам* (легко и поверхностно, невнимательно), *ниже своего достоинства* (унизительно, оскорбительно), *ниже всякой критики* (неудовлетворительно, без выполнения элементарных требований), *низвергнуть в прах* (развенчать, растоптать), *низринуть в прах* (убить, уничтожить).

С положением низа связана в русском языке семантика таких фразеологизмов, как *гнуть спину, гнуться в три погибели, снимать шапку, ползать на коленях, бить поклоны*, в основе значения которых лежит мифологема «становиться ниже ростом, сознательно занимать положение внизу». Ср.: *унижаться, принизить*.

Оппозиция «левый — правый» также опирается на миф. Он повествует о том, что каждый человек имеет рядом с собой и злого, и доброго духов: ангел-хранитель располагается справа, а бес-искуситель — слева: *Бес слева ходит да на грех наводит*. Ср. также: чтобы не сглазить, нужно *плевать через левое плечо*; а свечу в храме нужно *передавать только через правое плечо*.

Противопоставление левого — правого приобрело в сознании носителей русского языка глобальный смысл: оно вошло в систему правовых отношений. На-

пример: *гражданские права, правовая основа, правовые институты, правовое поле* и т.д.

Слово *правый* получило значение правильного, справедливого, способного к власти, оно связано со словами «право», «правда», «справедливость»: *правая рука* (первый помощник, надежный человек), *правое дело* (справедливое, достойное дело). Слова *правительство, управлять, правление* также этимологически восходят к слову *правый*, включая в себя развившуюся в нем сему «правильный, справедливый». С мифом связан обычай подавать правую руку при приветствии.

Под левым в мифе понимается все аномальное, несправедливое, отчасти чужое, незнакомое. Это объясняет семантику целого ряда фразеологизмов, например *встать с левой ноги* (изначально начать день под властью злого духа, а в современном осмыслении — проснуться в плохом, мрачном настроении, раздраженным, рассерженным), *споткнуться на левую ногу* (споткнуться и неудачно упасть), *левые деньги* (случайно доставшиеся, иногда полученные нечестным путем), *левые доходы* (то же, что *левые деньги*), *левая работа* (случайная, временная, иногда связанная с нарушением закона) и т.д.

Активность в сознании носителей русского языка оппозиции «левый — правый» объясняется и физиологическими причинами: В.П. Алексеев, исследовав право-левостороннюю симметрию живых организмов, доказал, что она начинается на уровне белковых молекул и свойственна всему живому [6. С. 86].

В восприятии пространства носителями русского языка существуют эталоны расположения в пространстве, которые зачастую устанавливаются при активном участии лексем-соматизмов. В системе «соматических» идиом, а именно в выборе эталонов пространственных координат, отображена определенная закономерность. Фразеологизмы этой группы обозначают место или местоположение относительно субъекта речи. Большинство их репрезентируют локацию по вертикали «верх/низ» или по горизонтали «слева/справа», «вперед/назад» [6. С. 84—89].

Пространственные координаты по горизонтали заложены в следующих группах «соматических» фразеологизмов:

1) *куда глаза глядят* — неизвестное направление вперед; *куда ноги несут* — неопределенное направление движения; *<туда>, где не ступала нога человека* — неизвестное местонахождение; *насколько глаз хватает* — далеко впереди; *наступать на пятки* — догонять, приближаться;

2) *рукой подать* — довольно близко; *рукой не достанешь* — далеко, но на доступном расстоянии; *под боком (жить)* — совсем недалеко, *нос к носу* (столкнуться) — очень близко, спереди, *нос в нос* — слишком близко, *ухо к уху (стоять)* — рядом, сбоку, *видно как на ладони* — совершенно ясно, отчетливо видеть или понимать, *ухо в ухо, ноздря в ноздю* — совсем рядом, сбоку на одной высоте, *плечом к плечу (стоять)* — рядом, сбоку, *бок о бок* — совсем рядом, сбоку.

Эталон координат по вертикали заложены во фразеологизмах *под ногами* — совсем близко, *под носом, из-под <самого>носа* — совсем близко, *под рукой* — близко, на доступном расстоянии.

Эталоны нормы расположения в пространстве по вертикали и горизонтали отражены во фразеологизмах *гнуть спину*, *повесить нос (голову)*, *опустить плечи*, *клевать носом*, т.е. принять положение ниже нормального уровня. Идиома *задирать нос* также характеризует отклонение от обычного состояния. Фразеологизм *ставить с ног на голову* представляет аномальность ситуации.

Как видим, в наивной языковой картине мира эталонизируются такие части тела, как спина, нос, голова и плечи. Они составляют одну группу по общности выполняемой ими функции — способности перемещаться в пространстве относительно вертикальной и горизонтальной осей.

В норме для этих частей тела необходимо занимать строго определенное положение: спина — основная вертикаль в теле человека, плечи — это верхняя горизонталь тела, голова — вершина, нос — верхняя малая вертикаль.

Изменение положения этих частей тела приводит к нарушению нормы.

Логическое основание этих идиом может быть определено так: «вести себя, нарушая принятую норму» (*гнуть спину*, *задирать нос*, *поставить с ног на голову*) и «чувствовать себя хуже нормы» (*повесить нос (голову)*, *опустить плечи*).

Образное основание идиомы *гнуть спину* выглядит как «изменение положения человека в системе координат существующего миропорядка: спинная вертикаль переходит в несвойственную ей горизонталь. Во фразеологизмах *задирать нос*, *опустить плечи*, *повесить нос (голову)*, *поставить с ног на голову* образ идиом включает смысл «стремление линий горизонтали к вертикали», «падение вершины». Вследствие подобного нарушения миропорядка эмпирический образ этих идиом вызывает эмотивную оценку неодобрения, осуждения такого поведения и рациональную пейоративную оценку — «это плохо».

В структуру данных идиом не входят локативы, однако общая идея фразеологизмов — давать оценку, исходя из особенностей положения человека в пространстве, — отвечает данной семантике.

Итак, лексемы-соматизмы, входя в состав идиом, выполняют роль эталонов в пространстве: в одном случае идентифицируют или квалифицируют локацию, в другом — устанавливают эталон нормы расположения в системе координат относительно вертикальной и горизонтальной оси.

Восприятие пространства в лингвокультуре никогда не ограничено утилитарно-прагматическими аспектами. По утверждению В.Б. Касевича, оно «...всегда трактуется в системе мировоззренческих оппозиций, релевантных для данного культурно-исторического сообщества: специфические черты того или иного конкретного пространства определяются отношениями не между объектами, а оценочным отношением к пространству субъекта, обычно коллективного» [3. С. 47].

Так, членение пространства в мифологическом мировосприятии происходит по признаку «сакральное/профаническое» (в психологии это проксимальное/дистальное пространство). Проксимальное пространство характеризуется применительно к самому человеку как субъекту восприятия окружающего мира, в дистальном человек рассматривается как социальный тип. В проксимальном пространстве оппозиции-примитивы «верх/низ», «левый/правый», «передний/задний» отражают

представления о том, что непосредственно окружает человека, его тело. В культуре гротеска это пространство, используемое для выхода тела за свои пределы.

Православное мышление добавляет в русскую лингвокультуру еще одну пространственную оппозицию: *здесь* — во временном земном существовании, *там* — после смерти, в потустороннем мире. У протоиерея Е. Кречетова читаем: «Пожалуй, самые большие страдания — это видеть, как кто-то гибнет и сам этого не понимает, а ты ничем не можешь ему помочь. А самому страдать — ну что же ... Все равно все кончится **здесь**. А вот чтобы **там** не было страшно — нужно очищать душу, покаянием бороться за свою душу». Там же: «...разрешение всех этих вопросов возможно только в свете будущей жизни, а в этой жизни на большинство вопросов мы не можем получить ответ. Ведь даже то, что происходит в видимой жизни, — это только **надводная** часть айсберга. А **подводная** часть айсберга, как сейчас говорят — **подсознание**, наша духовная область, которая в каждом человеке существует, — она невидима и большинству людей непонятна. Преподобный Амвросий Оптинский говорил: «Можно понять только взглядом **оттуда**». И без познания той жизни, без познания смысла будущей жизни, на многие вопросы **здесь**, на земле, нет ответа» (выделено нами — Л.Ф.) [4. С. 135, 103].

Т.о., категория локативности выступает в качестве важнейшей в русской лингвокультуре, проявляя особенности национально-ментального характера в лексике с данной семантикой, при функционировании локативов в речи, являясь компонентом концептосферы языка и составляющей православного мышления. И это не случайно. «Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения стоит в одном ряду с культурой», — справедливо отметил Ю.В. Бромлей [2. С. 48].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1976.
- [2] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. — М., 1975.
- [3] Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. — СПб., 1998.
- [4] Кречетов В. О самом важном. — М.: Даниловский благовестник, 2010.
- [5] Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. — М.: Academia, 1997.
- [6] Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. 2-е изд. — М.: ТетраСистемс, 2005.
- [7] Николаева Т.М. От звука к тексту. — М.: Языки русской культуры, 2000.
- [8] Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.
- [9] Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. — М.: Слово/Slovo, 2000.
- [10] Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). — М., 1994.

LOCATIVE AS ONE OF THE MOST IMPORTANT CATEGORY OF RUSSIAN LINGUOCULTURE

L.N. Fedoseeva

Chair of Russian and Latin Language
I.P. Pavlov State Medical University of Ryazan
Pervomayskiy prosp., 1/117, Ryazan, Russia, 390000

Locative is considered as one of the most important category of Russian linguoculture. Some locative peculiarities of national and mental character in the lexical field are revealed. Locative is defined as an element of language sphere of concepts.

Key words: locative category, Russian linguoculture, speech, language sphere of concepts.